

Валентина Кострова

ОДЕРЖИМЫЙ ТОБОЙ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
К72

Кострова, В.

К72 Одержимый тобой / В. Кострова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 336 с.

ISBN 978-5-521-91368-8

Я одержим ею настолько, что готов сломать не одну жизнь. Она — моя. И я никому не позволю встать между нами, даже если это ее отец, ее жених — мои враги. Меня не предупредили, что одержимость перерастет в любовь, а любовь — в свободу. И однажды я отпущу ее. Но вернется ли она обратно, или моя любовь ничего не значит?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91368-8

© Кострова В., 2021
© Савицкая Э., оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ГЛАВА 1

Адам

Распахиваю резко дверь бухгалтерии. Не разглядываю застывших сотрудников, мне это ни к чему, иду к конкретному столу. Была бы в руках папка весом с добротный словарь, с чувством швырнул бы ее на стол, но увы.

— Уволена, — ровно, без каких-либо эмоций произношу одно слово, небрежно кинув перед молоденькой девушкой файл с отчетом. В кабинете гробовая тишина. Разворачиваюсь и, глядя перед собой, ухожу.

— Адам Сулимович! — Меня хватают за руку, раздраженно оборачиваюсь, пригвождая к месту отчаявшуюся тяжелым взглядом. — Извините, — опускает глаза в пол. Я жду, не просто так эта девушка осмелилась меня задержать.

— Пожалуйста, не увольняйте меня. — Ничего оригинального.

— Когда вас принимали на работу, кадровик озвучивал основания, по которым здесь увольняют сотрудников. Из-за вашей ошибки в отчетах компания могла понести серьезные убытки. Назовите мне хоть одну вескую причину, почему я должен оставить у себя неквалифицированного сотрудника?

— Простите, пожалуйста, этого больше не повторится! Не увольняйте меня! — смотрит на меня жалким взглядом, а мне безразлично ее отчаяние в голосе.

— Завтра получите расчет.

— Адам Сулимович, пожалуйста, не увольняйте! У меня дома двое маленьких детей, эта работа мне жизненно необходима!

У нормального человека от жалости давно бы дрогнуло сердце, гнев сменился на милость. Но если хочешь, чтобы твой бизнес выжил в жесткой конкуренции, нужно иметь стальные яйца, железные нервы и черствое сердце. Всеми тремя качествами я обладаю в избытке, поэтому раздавленные за спиной рыдания, как только молча отвернулся, меня не трогают. Эта девушка работает не первый год, знает о том, что сотрудники теряют место не просто по моей прихоти, симпатии-антипатии, а потому что реально накосячили. Таких сразу искореняю из своей системы. Где случается осечка раз, там может повториться вновь. Нынче бизнес тяжело поднимать с нуля, поэтому строго слежу за работой коллектива, будь то младшее или старшее звено. Мне нужен слаженный, четко работающий механизм, без сбоев.

В приемной меня ждет сюрприз. Надеюсь, что хороший. На диванчике терпеливо сидит человек, имени которого я до сих пор не знаю, мне и неинтересно. Главное то, что он идеально делает свою работу, за которую получает баснословные деньги.

— Алина, меня не беспокоить полчаса.

— Но... — Замолкает, наткнувшись на мой предостерегающий взгляд. Закрывает свой красивый рот и опускает глаза. Хорошая девочка.

В кабинете привычная для меня прохлада, а вот мой посетитель передергивает плечами.

— Прохладно у вас тут.

— В духоте плохо думается. Вы принесли то, что мне нужно? — изгибаю вопросительно бровь, стараясь не выдать своего жгучего интереса. Мужчина достает из внутреннего кармана пиджака флешку и протягивает мне.

— Все как просили.

— Позвольте мне сейчас ее посмотреть?

— Да, конечно, — садится на стул возле моего стола.

Только многолетняя выдержка и долгое руководство помогают держать себя в руках. Но чувствую себя нетерпеливым юнцом, которому быстрее хочется увидеть объект своего вздыхания. Я пролистываю половину фотографий, там компромат, но сейчас он меня не привлекает. Вот она. Моя девочка.

Она смотрит на меня с монитора своими бездонными голубыми глазами, в которых я однажды утонул в реальности и тону каждую ночь, едва смыкая веки. Сжимаю руку в кулак, борюсь с желанием прикоснуться к ее лицу. Хотя бы так. Пока только так.

Сердце грохочет в груди, мне кажется, что его слышно моему посетителю, но он больше интересуется своими ногтями, чем мной. Стискиваю зубы, заставляя себя вернуться к самому началу. Да, теперь Щербаков у меня на крючке. Теперь ему ничего не останется, как послать свою дочь ко мне на поклон. Вот тогда...

— Вы сделали колоссальную работу. — Отчеты о состоянии Дениса меня очень радуют, как и положение его фирмы на рынке. Теперь я буду диктовать ему свои условия по сотрудничеству, свою цену за услугу.

— Вас все устраивает?

— Более чем, — позволяю себе довольно ухмыльнуться, свернув папку на рабочем столе. — Деньги вам передадут.

— Было приятно с вами сотрудничать.

— Мне тоже. — Встаю из-за стола, провожаю посетителя. Как только закрываю за ним дверь, возвращаюсь к своему месту. Вновь нахожу ее лицо и люблюсь. Ею невозможно не любоваться. Она идеальна. Хрупкая, как фарфоровая статуэтка. Ее только оберегать и сдувать пылинки.

Смотрю на ее губы. Жажда испробовать их на вкус мучает меня давно. Я уже год схожу по ней с ума. Год одержим толь-

ко ею одной. Год мне потребовался, чтобы звезды сошлись по моему требованию, как и обстоятельства.

— Алина, зайди ко мне, — вызываю свою секретаршу. Дыхание становится тяжелым, в паху горячо, кровь приливает к члену. Алина появляется в дверях, секунду топчется на месте, понимает без слов, чего я от нее хочу.

Девушка послушно подходит к столу, снимает с себя белую блузку, задирает юбку на талию, припуская трусики до колен. Я ее всегда трахаю сзади. Меня не интересует ее лицо, ее эмоции. Год назад взял Алину на работу, потому что у нее светлые волосы, как у той, другой, потому что со спины она похожа на нее.

Развожу ноги чуть шире и толкаюсь в девушку. Прикрыв глаза, сгребая волосы в кулак, жестко удерживаю за талию. Глухо стонет, но затыкает рот ладонью. Не люблю, чтобы меня отвлекали от моих мыслей.

Секс на работе с Алиной давно перестал спасать от напряжения в паху, имел кратковременный эффект. Кончаю и тут же торопливо отстраняюсь, чувствуя глухое раздражение от замены. Девушка молча натягивает трусы, я равнодушно слежу за тем, как моя сперма сползает по ее бедрам. Не пользуюсь презервативом. Не нравится мне чувствовать латекс на своем члене. Но в начале любых отношений приходится им пользоваться, пока степень доверия к партнерше не перевалит за единицу по десятибалльной шкале. Алина оказалась более умной. Сразу смекнула, что к чему, положила на стол медицинскую книжку с печатями от врачей, сообщив, что пьет противозачаточные таблетки. Первые два месяца я к ней еще присматривался, убедившись, что обманывать не собирается, чуть ослабил вожжи контроля. Ежемесячно моя секретарша получает от меня приятную сумму на карту.

— Иди.

Не смотрю ей вслед. Сажусь обратно в кресло, разворачиваю фотографию на весь экран. Однажды ты ко мне придешь. И будешь моей.

ГЛАВА 2

Адам

Благотворительные вечера в канун католического Рождества и Нового года — дань западной моде. На таких вечерах никто не обсуждает дела. Итоги подведены, выводы сделаны, курс на будущее выбран.

Не вслушиваясь в пустую болтовню своего собеседника, пусть он и заместитель главы департамента градостроительства. В моем рабочем графике уже назначена встреча с заместителем мэра Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства.

Взгляд смещается с толпы расфуфыренных жен и любовниц важных людей к входящей паре. Задерживаю дыхание. Весь шум вокруг звучит фоном, он даже не раздражает, как несколько минут назад. Я улыбаюсь, когда взгляд пересекается с взглядом голубых глаз. Мне кажется, что она смотрит на меня чуть дольше, чем обычно, но тут же отводит глаза в сторону. Сжимаю челюсть до хруста, сводя брови к переносице. Хмурюсь еще больше, как только понимаю, из-за кого ее глаза зажигаются и лицо озаряется лучезарной улыбкой. К ней спешит какой-то сосунок с влажными губами.

— Это кто? — беспардонно прерываю монолог заместителя, следя за формальным обменом любезностями. Денис одобрительно кивает головой, хлопает молокососа по плечу и вкладывает руку своей дочери в руки неоперившемуся юнцу. У меня жгучее желание переломать Щербакову конеч-

ности, чтобы никогда-никогда никому, кроме меня, не позволял прикасаться к своей принцессе.

— Это Щербаков, — гундосят рядом, сильнее стискиваю ножку бокала с выдохшимся шампанским. — А это сын Макарова, Захар, недавно вернулся из Лондона. Перспективный молодой человек, кажется, будущий зять Дениса. — Тонкая ножка фальшивого хрусталя переламывается в моих руках. Вышколенный официант осторожно забирает осколки, вокруг меня гробовая тишина на фоне ненавязчивой музыки живого оркестра. Взять себя в руки! — команду самому себе.

— Вот как! Не слышал об этой новости. — Заставляю себя приподнять уголки губ, посмотреть на собеседника спокойным взглядом. О том, что творится у меня внутри, ни одна душа в этом зале даже не догадывается. Как и о том, каких титанических усилий мне стоит держать себя в узде, не рвануть в сторону худенькой блондинки, не закинуть ее на плечо в лучших традициях своего народа и не скрыться в вечерней мгле.

Час. Даю себе час продержаться, убедиться в том, что Щербаков не собирается отдавать на пробу свою дочь недоделанной, который только и знает, что заглядывать в ее неглубокое декольте. Моя девочка смеется, кокетливо поправляет прядь, выбившуюся из прически, крутит бокал в своих тоненьких пальчиках. Каждый раз, когда вижу ее в реальности, поражаюсь, насколько она хрупка, изящна. Ее обнять страшно, ненароком ведь можно и сломать. Статуэтка из тонкого фарфора, расписанная искусными мастерами вручную. Сердце сжимается, когда гляжу на аристократические запястья. Черный шелк еще больше подчеркивает ее бледную кожу. Она совсем не похожа на своего отца. Тонкие черты лица, изящная фигурка, прямые белые волосы, ярко-голубые глаза и чуть пухлые губы — наследство от покойной жены Щербакова. Люди рассказывали, что Денис в буквальном

смысле носил жену на руках до самой смерти, теперь вот оберегает, опекает единственную дочь, как чудовище — свой аленький цветочек.

Громкий смех заставляет почтенную публику на время замолчать и повернуться в сторону молодежи, которая откровенно веселится. Напоминают котят и щенят, цыплят и утят. У каждого своя шерстка, оперение. Моя девочка даже среди сверстников выделяется. Лебедь.

Одна рыжая толстушка хватается дочку Щербакова и тащит под арку. Я напрягаюсь и не спеша направляюсь к девушкам. Что-то задумала рыжеволосая, судя по лицу моей малышки, она смущена и не совсем согласна с подружкой, или кто она там ей.

— Дамы и господа, мы рады вас приветствовать на ежегодном вечере, где вы активно делитесь своим богатством с различными фондами. — Зал сдержанно смеется в ответ на речь рыжей толстушки. — Я знаю, что все лоты давно разыграны и куплены, без них бы и вечер не состоялся, — приятно улыбается, кокетливые ямочки на щеках умиляют.

— Все знают, что на прогрессивном Западе существует традиция: поцелуй под омелой, а у нас над головой как раз красивый венок из этого растения, — поднимает вверх бокал, заставляя всех откинуть головы. Действительно, над девушками красивый декор с омелой. А что за традиция?

— Мы открываем аукцион, а лот — поцелуй нашей замечательной Дианы Щербаковой. Если успеете договориться, она еще сможет вам бесплатно оформить к Новому году елку, у кого ее нет.

— Бред, — цежу себе под нос, отыскивая в толпе Щербакова. Он смеется. Это немного успокаивает, просто целомудренный чмок в щеку. Хотя я и за такой поцелуй готов сейчас выбить зубы тому, кто выигрывает лот. Значит...

— Три тысячи раз! Три тысячи два! — толстушка заодно отчитывает цену. Кто-то за моей спиной кричит: «Пять». Сразу же несется: «Десять тысяч». Ставки повышаются, как и азарт. Мне уже совсем не смешно, моя малышка тоже выглядит испуганной от конкуренции за ее поцелуй.

— Пятьдесят тысяч! — орет пацан, сын Макарова, подбираясь к сцене. Ее улыбка, адресованная не мне, рвет башню. Чувствую, как вожжи контроля ускользают из рук, а звериный рык «моя!» рвется из груди.

— Пятьдесят тысяч — раз! Пятьдесят тысяч — два!

— Двести! — поднимаю руку. Так как оркестр на время аукциона перестал играть, возникшая тишина чувствуется каждой клеточкой тела. Ощущение победы заставляет изогнуть губы, посмотреть с превосходством на побледневшего сосунка. Мал еще папкиными деньгами сорить, а своих пока не наскреб, чтобы со мной тягаться.

— Двести тысяч раз. Двести тысяч два. — Девушка с рыжими волосами ищет глазами потенциального соперника, но все молчат. У молодых таких денег нет, а мои ровесники и старшее поколение знают, что со мной лучше не связываться. Щербаков хмурится, поглядывает на меня искоса. Не сожру дочурку. Не сегодня точно.

— Двести тысяч три. Лот продан. — Радости в голосе нет, а мне похрен. Придерживаю спереди пиджак, поднимаюсь к девушкам на эту мини-сцену с омелой над головой. Смотрим друг другу в глаза. Моя малышка смущается, на щеках два красных пятна, вежливо улыбается. Взгляд против воли останавливается на полураскрытых губах. Волна неконтролируемой похоти сшибает дыхание, перед глазами картинки со строгим цензом «плюс восемнадцать».

— Если у вас еще нет новогоднего декора, я могу лично для вас сплести венок на дверь. — Голос такой, что слушать и слу-